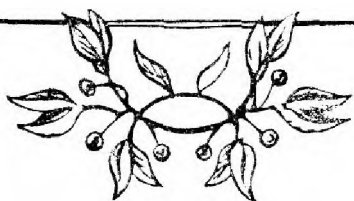

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a winged element.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

В. К. Кюхельбекер

ЯЗЫК — СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

...язык есть мысль, переходящая в явление; что же значит мысль, не имеющая ни порядка, ни связи? Мысль без мысли!

1820. «Отрывок из путешествия», письмо XIX.
«Мнемозина», М., 1824, ч. I, стр. 66.

...точное изложение мыслей есть... ряд правильных умозаключений, подчиненных одному высшему.

Там же, стр. 67.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

...Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку (и это для писателя не последнее), коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, может быть, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире.¹

Восстание декабристов, т. II. ГИЗ, 1926, стр. 166.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана.

История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и

деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма. Русский московский язык, не считая кое-каких изменений, является языком новгородских республиканцев; Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был военным вождем Великого города, а затем удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались дотоле в великом княжестве и от которого ныне происходит малороссийский язык более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился в русский в свободной стране; в городе торговом, демократическом, богатом, любимом, грозном для своих соседей, этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые без подлинного чуда не могли бы никогда развиться в поработенной стране. И никогда этот язык не терял и не теряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем. Доныне слово *вольность* действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце.

Но чтобы иметь возможность представить вам данные, с помощью которых вы бы могли систематически рассмотреть рождение и, если смею употребить это выражение, воспитание нашего языка, позвольте мне... набросать картину его нынешнего состояния. Русский язык так мало известен и по своему духу настолько отличается от других языков, что я считаю совершенно необходимым предварить мои беседы о нашей литературе некоторыми подробностями по его лексике, его грамматике, его просодии... Он, как вы, конечно, знаете, произошел от славянского языка, различные ветви которого теперь распространяются от берегов Адриатического моря до Ледовитого океана, от Дуная и Эльбы до Тихоокеанских островов. Никогда еще ни один язык не занимал такого обширного пространства. В русском языке преобладают славянские слова. Но, так же как и в других языках, славянский язык соединился с иностранными элементами: десятая часть нашего языка состоит из слов, которые ему были чужды в самом его начале. Это слова греческие или татарские, кроме того латинские, немецкие или французские. Такое различие необходимо, потому что мы не теряем надежды очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I у трех последних языков. Что до греческих слов, проникших в славянский язык со времени перевода библии, то они удержатся дотоле, пока в русских церквях будут служить и проповедовать на церковном языке. Некоторые из них, испытав легкие изменения, стали совершенно русскими и их невозможно отбросить. Однако число их очень мало... Иностранцы, которые не занимаются специально филологической наукой, думают обыкновенно, что наш язык очень близок к греческому. Я рад вас заверить, ... что хотя русский язык и заимство-

вал многие греческие грамматические формы, он унаследовал от этого языка лишь весьма немногие слова.

Татарские или монгольские слова употребляются в русском языке в обыкновенном разговоре и для обозначения вещей повседневного употребления, например — одежды. Они встречаются еще в меньшем количестве и их легко распознать по жесткости их согласных; например: *халат, колпак, шапка, собака*. Я скажу то же о немецких словах, которые совсем недавно вкрались в наш язык и которые представляют собою совершенно невыносимые варваризмы. Русское ухо никогда не будет в состоянии привыкнуть к этим тевтонским звукам. Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы не оскорблять народного чувства *шлагбаумами, ордонас-гаузами, обергофмаршалами* и т. п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские выражения. Однако некоторые технические термины, как *конституция, генерал, офицер*, скорее всего французские или латинские, о которых можно сказать, что они принадлежат всей Европе, — должны, вероятно, явиться исключением, потому что будет трудно присвоить новым выражениям то значение, которое привыкли соединять с этими звуками, впрочем, совершенно уже привычными для народа.

Подведем итог: наш язык по своей лексике в основном славянский; примесь иностранных слов, входящих в его состав, менее значительна, чем в любом другом языке Европы и уменьшается с каждым днем.

Рассмотрим же сперва его славянские элементы, чтобы иметь возможность дать оценку языка, в котором славянские слова составляют основную массу. Славянский язык имеет в польском и в чешском (богемском) языках несколько звуков, которых недостает в русском; таковы *Н* носовое, *ДЗ* и другие. Однако из сопоставления языков явствует, что мы превосходим по своему богатству и разнообразию звуков не только все наречия латинского и германского происхождения, но и указанные славянские наречия, так как число звуков, ими утраченных и сохранившихся только у нас, значительно больше. Русский язык так же богат гласными и дифтонгами, как и французский язык, — один из наиболее богатых в этом отношении, и я не знаю никакого другого языка, который бы ему был равен по удивительному разнообразию согласных.

В свою очередь, русская грамматика — одна из самых богатых по своим формам и знаменательным окончаниям <...> изобилие грамматических форм и знаменательных окончаний имеет своим естественным следствием большую свободу в порядке слов и в построении предложений и пернодов нашего языка. По-русски вовсе нет нужды строго следовать аналитической конструкции и

можно употреблять самые смелые инверсии. Однако, существует определенное правило расположения слов, основанное на духе языка, и этим правилом нельзя пренебрегать, если хотят писать на чистом и правильном русском языке, а именно: сближать, поскольку, возможно члены предложения теснейшим образом связаны между собой. Это правило меняется в зависимости от числа дополнений к подлежащему и сказуемому, и если оно несколько видоизменяется, то не знает исключений по крайней мере в прозе. Этому правилу мы обязаны ясностью, которая господствует в произведениях наших хороших прозаиков. <...>

Во французском языке многосложные слова имеют всегда и неизменно ударение на последнем слоге за исключением немого *e*, которое можно и не считать за слог. В итальянском и польском языках ударение почти всегда ставится на предпоследнем слоге. Вот причина, почему на этих трех языках бесконечно трудно подражать стихосложению древнему. Наоборот, русский язык свободен в своих ударениях, и, следовательно, все греческие и латинские стихотворные размеры ему доступны. Однако, ввиду того, что в нем больше кратких, чем долгих слогов, ритмы, в построение которых входят спондеи, молосс и разного вида эпитриты ему менее свойственны. Стопы, которые встречаются часто в русских многосложных словах, — анапест, кретик, дактиль, разные пеоны. В словах двухсложных преобладает ямб над хореем. Ритмические русские стихи могут обойтись и без рифмы, но для ямба и хорea и многих пеонических и дактилических размеров употребляют их весьма охотно. У нас есть четыре вида рифм: односложные, двухсложные, трехсложные и четырехсложные. В трех видах многосложных рифм ударение должно находиться на первом слоге. Гекзаметр занимает основное место среди русских размеров, никогда не пользующихся рифмой. Он отличается от латинского гексаметра предпочтением дактиля перед спондеем, который при том часто заменяется хореем. Элегический размер, позднее введенный также вполне привился в нашем языке. Скажу то же о софических стихах и о многих других подражаниях древним или создаваемым по их примеру согласно с духом нашего языка... Однако народ, который обладал неизмеримо лучшим слухом и вкус которого не был испорчен, создал для своих песен и сказок ритм, который при совершенном своеобразии, тем не менее весьма приятен и быть может более соответствует духу языка — по крайней мере народной поэзии, чем упомянутые нами различные греческие и латинские размеры. Взглянем на теорию народного стиха. Можно сказать, что этот стих эпичен, в наших сказках и балладах и элегичен или лиричен в наших романах и песнях. В нем считаются только долгие слоги.

В эпическом стихе требуется три слога, в элегическом — два и в лирическом — только один. Число кратких слогов может меняться от стиха к стиху. В этих размерах рифма не является совершенной необходимостью, но она в них приятна и применяется

чаще трех- или четырехсложная, чем односложная или двусложная. Таково... современное состояние русского языка: он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве, в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время, как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингисхана и Тамерлана. На вечевой площади и на кораблях, в стенах и в летописях великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе. Здесь он был залогом искупления Москвы, Киева, Суздаля и других княжеств, где жители, угнетенные татарами, понемногу очнулись от своего панического ужаса и начинали надеяться, ибо говорили они, «в наших жилах течет кровь сынов великой республики и мы говорили на языке питомцев свободы». Наконец, тирания варваров была сокрушена, и Россия стала огромным государством. В результате этих событий Новгородская республика пала в слишком неравной борьбе с честолюбием Иванов, русских князей. Но судьба без сомнения допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный... Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа-захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены.

Из лекции о русской литературе и русском языке, прочитанной в Париже в июне 1821 года.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА РАЗВИТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ

Из слова же русского, богатого и мощного, силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный *для немногих* язык, un petit jargon de coterie.² Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами, колоннами, баронами, траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами. В самой прозе стараются заменить причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами. О мыслях и говорить нечего.

1824. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. «Мнемозина», М., 1824, ч. 2, стр. 38.

* Литературное наследство. Декабристы-литераторы, т. I, АН СССР. 1954, стр. 374—380.

Слог — только часть исполнения. Конечно, не принимая слова слог в таком тесном значении, в каком у нас многие его принимают; так например: иные называют хорошим слогом тот, который грамматически правилен, свободен от слов обетнальных и не шероховат; но забывают, что этот хороший слог может быть водян, сух, вял, запутан, беден, — словом, несносно дурен. И так, хороший слог состоит не в одной правильности, а хорошее исполнение имеет еще обширнейшее значение.

*Дневник. Запись 10 сентября 1832 г., стр. 76.**

...Греч с своим грамматически правильным слогом сух и в самом слоге <...> ничего не видит и не хочет видеть далее того, что затвердил еще в школе, или чего нахватался кое-как из иностранных журналов самого пошлого разряда.

Дневник. Запись 20 июня 1832 г., стр. 61.

Но что такое неправильности слога Грибоедова? (кроме некоторых и то очень редких исключений). С одной стороны опущения союзов, сокращения, подразумевания, с другой плеоназмы, — словом, именно то, чем разговорный язык отличается от книжного. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмельницкому (за их хорошо написанные сцены), но автору первой главы «Онегина», Грибоедов мог бы сказать то же, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не афинянину, — сказала афинская торговка: «вы иностранцы». — «А почему?» — «Вы говорите *слишком* правильно; у вас нет мнимых неправильностей, тех оборотов и выражений, без которых живой разговорный язык не может обойтись, но о которых молчат ваши *грамматики и риторики*».³

Дневник. Запись 8 февраля 1833 г., стр. 92—93.

Наш язык — необыкновенно богатый — в некоторых, — хотя и в немногих, случаях — и необыкновенно беден. Так например кроме *и* и *но* у нас почти нет союзов, годных в поэзии; самые *а* и *же* редко употребляются. Союз *ибо* чуть-ли не первый я осмелился употреблять в стихах, и то в драматических белых.

Дневник. Запись 6 июля 1833 г., 114.

Я не слишком большой любитель русских, очень часто не русских, слов новейшей фабрики. Но глагол *опламенить*, употребленный Ф. Глинкою, хорош и мог бы, по моему мнению, войти в состав языка: если говорят *воспламенить*, почему же не сказать при случае и *опламенить*, т. е. *озарить пламенем*?

Дневник. Запись 21 июля 1833 г., стр. 118—119.

* В. К. Кюхельбекер. Дневник. «Прибой», 1929. Все ссылки по этому изданию.

От доброго сердца хохотал я над экзаметром маленького Глиники; * в его сказке: «Бедность и Труд», этот стих у него ку-дахчет курицей, гогочет гусем, свищет и чиркает чижом и пр. и все это *звукоподражание*. ** Но звукоподражание и Virgiliya и Гомера, кажется, не то: у них оно не насильственный набор слов, нанизанных единственно для того, чтобы произвести нечто, похожее на звуки природы; а печальный подарок, данный языком вдохновению, подарок, которого, быть может, вдохновение и не заметило... *насильственное звукоподражание*, по моему мнению, столько же смешно и нелепо в поэзии, сколь оно по единоголосному приговору всех людей со вкусом нелепо и смешно в музыке.

Дневник. Запись 15 августа 1833 г., стр. 126—128.

Страсть у Николая Михайловича наряжать наших древних славян во фраки! Доказательств, что эта страсть у него неисчислима, в 3-м томе довольно, например Мстислав Храбрый в летописи говорит: *«аще ныне умрем за Христианы, то очистимся грехов и бог вменит кровь нашу с мученики»* etc. Но Николаю Михайловичу показалось *неблагоприятным* говорить о грехах, о мучениках и, перефразируя только конец речи старославянского витязя, он его из христианина грековосточной церкви 12 столетия жалует в философы 18-го и заставляет произнести следующую великолепную тираду: «за нас бог и правда; умрем ныне или завтра; умрем же с честью».

Дневник. Запись 27 сентября 1833 г., стр. 139—140.

Доброго нашего И. К. Кайданова исторический слог ни на что не похож. Из его всемирной истории помещен в «Сыне Отечества» отрывок, в котором он описывает войну 1812 года: тут при имени каждого русского генерала несколько риторических эпитетов и приложений, — тот наш Деций, тот Фабий, а тот Эпаминонд, другой бестрепетный герой, готовый всем жертвовать славе, третий мудрый, прозорливый вождь; словом ни один не пропущен без п о д б а ю щ е й ему чести. Не так пишут историю.

Дневник. Запись 28 октября 1833 г., стр. 146.

* Федора Николаевича.

** Говоря о звукоподражании, Кюхельбекер имеет в виду следующие стихи этой сказки:

«Утки трюшком, ковыльком, шепелявые плещутся в лужах;
Говорных гордых гусей долговыйна ватага гагачет,
Сипло шипят на прохожих... Вдруг клекчут, мурлычат индейки...
Каркает черный вран, грохает грач и сорока стрекочет...
Свищет и чиркает чиж...»

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

1. Из показаний Кюхельбекера по делу о декабристах. Одна из причин, по которой он вступил на путь борьбы с самодержавием и крепостничеством.

2. Поэзия Жуковского, как правило, ограничивается миром субъективных переживаний. Со второй половины 10-х годов XIX века он даже издает малыми тиражами для очень ограниченного круга читателей сборник: «Für venig» («Для немногих»), а элементы субъективного романтизма не только усиливаются, но и приобретают отчетливо выраженную религиозную окраску. Декабристская критика и Кюхельбекер решительно выступают против литературной позиции и художественной практики Жуковского и его подражателей за создание «для славы России поэзии истинно народной», поэзии высокого общественного содержания, за поэта-пророка, за борца за право и свободу человека.

3. После напечатания в альманахе «Русская Талия» на 1825 г. отрывков из «Горе от ума» реакционный критик М. А. Дмитриев выступил и против идейного содержания комедии и против языка «жесткого, неровного, неправильного». (См. Вестник Европы, 1825 г., ч. CX, № 6, стр. 111—115). С восторгом приветствовали комедию А. Бестужев и Вл. Одоевский. Известен отзыв Пушкина в письме к А. Бестужеву в конце января 1825 г. Кюхельбекер полностью солидаризируется с А. Бестужевым, Пушкиным и Одоевским.